

Голосование за радикальные правые партии в Европе: роль культурного изменения и партийной поляризации (Часть II)

Статья посвящена проблеме быстрого роста в последние десятилетия электоральной поддержки радикальных правых партий в странах Западной, Центральной и Восточной Европы. Представлены результаты эмпирической проверки теории бесшумной контрреволюции и двухмерной партийной поляризации. Анализ опросных данных Европейского социального исследования (ESS), материалов контент-анализа предвыборных партийных программ (CMP/MARPOR) и сведений о мигрантах, электоральных институтах и распространении либеральной культуры для 56 парламентских выборов в 24 странах Европы проводился с помощью статистических методов двухуровневого логистического моделирования. Результаты свидетельствуют, что неприятие иммиграции и недоверие парламентам являются важнейшими отличительными признаками сторонников националистов и популистов. В подтверждение концепции бесшумной контрреволюции их мобилизация при голосовании,

согласно выявленным фактам, зависит от распространения в обществе либеральной культуры. Подтверждается и представление о благоприятных условиях мобилизации этих сторонников при сближении партийных позиций в экономическом измерении и одновременном усилении культурной поляризации, хотя это заключение нуждается в дополнительной проверке.

Ключевые слова: радикальные правые партии, парламентские выборы, аттитюды к иммиграции и парламентам, культурное изменение, партийная поляризация, двухуровневое моделирование, страны Европы.

Вячеслав Сафронов

старший научный сотрудник,

Социологический институт — филиал ФНИСЦ РАН

E-mail: vsafronov@list.ru

doi:10.33491/telescope2019.101

Проблема и цели исследования

Одно из наиболее важных политических изменений в европейских странах за последние несколько десятилетий состоит в быстром росте крайних правых партий, идеология которых основывается на радикальном национализме, популизме и авторитарном неприятии либеральной демократии (Mudde 2007: ch. 1; Rydgren 2018).

В научной литературе, как показывает наш обзор в первой части этой статьи (Сафронов 2018), успех этих партий объясняется рядом причин – с одной стороны, повышением общественного «спроса» на популистско-националистическую идеологию, а с другой – политическими возможностями, порождаемыми институциональным устройством избирательных систем и особенностями электорального «предложения», обусловленного партийной конкуренцией. Общее теоретическое основание, на котором базируются различные подходы к пониманию причин подъема националистических и популистских партий, связывает это явление с процессами модернизации – глобализацией, переходом развитых стран Западной Европы к постиндустриальному обществу и посткоммунистическими трансформациями в Центральной и Восточной Европе (Mudde 2016: 8). Предполагается, что модернизация создает в обществе структурный потенциал (проигравшие социальные слои) и ценностную мотивацию (обратная, консервативная реакция на распространение либеральных ориентаций) поддержки радикальных правых партий (Arzheimer 2018; Bornschieer 2018; Ignazi 1992; Norris and Inglehart 2018). Этот потенциал и мотивация могут реализоваться во время голосования, но для этого необходимы благоприятные политические возможности, которые зависят от определяемых институциональными ограничениями стратегий всех игроков в партийной системе, а также – от изменения относительной значимости идеологического разделения в традиционном экономическом и новом культурном измерениях (Kitschelt 2018).

Эмпирические исследования выявили достаточно отчетливый социально-структурный и демографический профиль избирателей националистических и популистских партий (менее определенный – в Центральной и Восточной Европе). С большей вероятностью это – мужчины, молодые люди, с невысоким уровнем образования, рабочие и офисные работники, относящиеся к нижнему и нижнему среднему классам. В то же время, ключевые переменные, объясняющие, кто голосует за ради-

кальных правых политиков, включают негативное отношение к иммиграции, политическую неудовлетворенность и приверженность консервативным ценностям, характерные для людей с невысоким социальным статусом (Arzheimer 2018; Inglehart and Norris 2016). Эти факты подкрепляют концепцию «бесшумной контрреволюции» – ответной реакции на культурную либерализацию, связанную с распространением при переходе к постиндустриальному обществу «постматериалистических» ценностей (Ignazi 1992; Inglehart 1977; Norris and Inglehart 2018). В Центральной и Восточной Европе сходную реакцию могли вызвать быстрые и беспрецедентные по масштабам процессы посткоммунистических трансформаций – по либерализации экономики, демократизации и открытости культуры (Minkenberg 2017). В то же время, теория консервативной контрреволюции нуждается в дальнейшем обосновании, поскольку подтверждающие ее результаты связаны с индивидуальными различиями взглядов и ценностных предпочтений, тогда как роль собственно культурного изменения – неодинакового продвижения европейских стран в направлении принятия либеральных ценностей – остается, насколько нам известно, все еще без внимания.

Последние десятилетия в Европе, согласно установленным фактам, свидетельствуют о повышенном «спросе» на политические предложения радикальных националистов и популистов, однако социально-культурные дифференциации взглядов людей не позволяют объяснить, почему при сходных уровнях общественного развития в одних европейских странах за них голосуют намного больше избирателей, чем в других. Главное направление при исследовании этой проблемы было связано с теорией политических возможностей. Высказывались соображения, что благоприятные условия возникают в многопартийных демократиях благодаря избирательным системам с пропорциональным представительством, однако эмпирические факты говорят о слабо выраженных и противоречивых институциональных эффектах. В другом направлении анализа политических возможностей, опирающемся на теорию «политического пространства», в центре внимания была партийная конкуренция (Kitschelt with McGann 1995). Неоднозначные результаты, полученные при изучении схождения идеологических позиций системных левых и правых партий, а также – близости позиций основных правых партий к правым радикалам, привели к новой формулировке теоретических положений. В

ней стратегии партий по привлечению избирателей рассматриваются с точки зрения последствий для значимости и поляризации партийной системы в экономическом и культурном измерениях (Kitschelt 2018; Spies 2013; Spies & Franzmann 2011).

Поскольку неприятие иммиграции и политическое недовольство – важнейшие из характеристик сторонников националистических партий, представляется перспективным уточнить концепцию политического пространства, соединив ее с анализом индивидуальной склонности к национализму и популизму. Можно предположить, что эта склонность будет особенно сильно мотивировать избирателей к голосованию за правые радикальные партии в тех странах, где невысокая значимость для партийной системы экономических вопросов сочетается с резкой ее поляризацией по культурной оси идеологического противостояния.

Таким образом, основные цели настоящего исследования – проверка обобщенной теории голосования за радикальные правые партии, соединяющей положения концепций бесшумной контрреволюции и двухмерной поляризации партийной системы. Такое голосование, по нашим представлениям, нуждается не только в мотивации, связанной с неприятием иммиграции и недоверием представительным органам власти. Оно зависит и от либерального культурного изменения в обществе, вызывающего ответную консервативную реакцию, которая усиливает эту мотивацию. Побудительная сила антииммигрантских и популистских взглядов может также поддерживаться благодаря электоральным партийным стратегиям, ведущим к понижению значимости традиционных экономических вопросов и росту поляризации партийной системы в социально-культурном измерении.

Исследовательская методология

Одна из методологических проблем предшествующих исследований (за единичными исключениями) связана с попытками объяснить голосование за националистов и популистов либо переменными индивидуальными различиями, как это делается в теоретических подходах, подчеркивающих значение «спроса», либо институциональными факторами и особенностями партийных позиций, что характерно для концепций, в которых акцент переносится на политические возможности. Даже если эти переменные и факторы рассматриваются совместно, они трактуются как самостоятельные наборы, дополняющие друг друга, тогда как следовало бы анализировать эффекты, отражающие взаимодействие между ними (Golder 2016: 493-494). В настоящей работе проверка теоретических положений, учитывающая это методологическое требование, как раз предполагает проведение сравнительного анализа политико-идеологических взглядов избирателей радикальных националистических партий в странах Европы, отличающихся пространственностью в культуре либеральных ценностных ориентаций и особенностями поляризации партийных систем в экономическом и культурном измерениях.

Избиратели: социальная демография и воззрения

Эмпирические показатели о голосовании граждан на парламентских выборах в странах Европы, об их социально-демографических различиях, отношении к иммиграции и политическом доверии конструировались с использованием репрезентативных опросных данных Европейского социального исследования, раунды 3-7 (European Social Survey, ESS ... 2006; 2008; 2010; 2012; 2014).

Участникам этих опросов было предложено указать, за какую политическую партию они проголосовали на последних выборах в национальный парламент (нижнюю палату). Зависимая переменная представляла собой дихотомическое разделение респондентов на тех, кто выбрал одну из радикальных правых партий (значение «1»), и остальных участников выборов, отдавших свой голос за любую другую партию (значение «0»). Классифика-

ция радикальных правых партий в каждой из стран производилась с помощью последней обзорной работы, посвященной этому партийному семейству (The Handbook of Radical Right 2018).

Отношение к иммиграции фиксировалось с помощью индекса, отражающего ответы опрошенных на три вопроса анкеты – об их убежденности в том, (1) сказывается ли она плохо или, наоборот, хорошо на экономике страны, (2) подрывает ли культурную жизнь общества или ее обогащает, (3) ухудшает ли условия жизни в стране или их улучшает (рассчитывалось среднее значение, шкалы от 0 до 10). Доверие парламенту измерялось по шкале, изменяющейся от 0 – «совсем не доверяю» до 10 – «полностью доверяю».

Индекс отношения к иммиграции и шкала доверия парламенту объединялись в общий показатель склонности респондента к идеологии правых радикалов, поскольку предварительное моделирование продемонстрировало, что эти показатели тесно связаны между собой и при включении их в модели по отдельности или вместе результаты оказываются сходными с теми, что получаются при использовании обобщающего показателя, однако несколько менее выразительными.

Влияние на зависимую переменную общего показателя близости взглядов респондентов радикальной правой идеологии оценивалось – с учетом известных характеристик профиля интересующего нас избирателя – при контроле социальной демографии – пола, возраста (полных лет) и образования, измеренного суммарным количеством лет, которые респондент посвятил обучению в формальных образовательных учреждениях – школе, колледже, институте или университете и т.п. Еще одна контрольная переменная индивидуальных различий учитывала принадлежность участников опросов к иммигрантам – людям, родившимся не в той стране, где они жили во время проведения интервью.

Социальный контекст:

либеральная культура и партийная поляризация

Для измерения контекстуального фактора культурного изменения в либеральную сторону применялся агрегированный – по материалам Европейского социального исследования – показатель среднего значения в стране ценностного индекса Ш. Шварца «сохранение – открытость изменениям» (Schwartz 2012). Основной модуль анкеты, использовавшийся во всех раундах этого исследования, включает вопросник, разработанный для верификации на представительных национальных выборах теории универсалий в содержании и структуре человеческих ценностей (21-item version of the Portrait Values Questionnaire, PVQ-21) (Schwartz 2001). При измерении индивидуальных ценностных приоритетов нами производилась, как и рекомендуется, коррекция индивидуальных различий в использовании шкал – ответы каждого респондента на отдельные шкалы центрировались относительно его средней оценки по всем шкалам. Страны очень заметно отличаются по степени распространенности в обществе ориентаций на сохранение (ценности «безопасность», «конформизм», «традиционность») и открытость изменению («саморегуляция», «стимуляция» и «гедонизм») – первые сравнительно чаще встречаются в относительно менее развитых частях Европы, тогда как вторые – в наиболее развитых постиндустриальных обществах.

Поляризация партийных систем в экономическом и культурном измерениях рассчитывалась с использованием результатов контент-анализа предвыборных партийных «манифестов» – программ или сходных документов (Comparative Manifestos Project, CMP, в последние годы – Manifesto Research on Political Representation, MARPOR, см. Volkens et al. 2016a). Анализ содержания предвыборных программ охватывал за многие годы те партии в странах Европы, которые получали хотя бы одно место в национальном парламенте. Идеологический профиль каждой партии описывается в CMP/MARPOR с

помощью набора контент-аналитических категорий, каждая из которых в результате анализа текста, разбитого на «псевдо-предложения», получает оценку, соответствующую процентной доли ее упоминаний в предвыборной программе (подробнее Volkens et al. 2016b). Используя данные CMP/MARPOR, нами были сконструированы показатели традиционного политического конфликта, связанного с экономикой и социальным государством, и новой политики, отражающей размежевание по социально-культурным проблемам. Эти показатели характеризуют партийные системы представленных в ESS стран, охватывая период с начала 2000-х и до 2014 г. – время, когда проводились парламентские выборы, в которых участвовали респонденты из указанных раундов опросов.

Экономическое разделение на левых и правых позволяет получить индекс, вычисляемый с помощью контент-аналитических категорий следующим образом. Суммировались категории, указывающие на рыночный идеологический полюс: «свободная рыночная экономика» (одобрительные упоминания свободного рынка и рыночного капитализма, свободной конкуренции, прав частной собственности, предпринимательской инициативы, устранения ограничений для предпринимательства) (имя переменной в базе данных – per401); «ограничение социального государства» (ограничение государственных расходов на социальное обеспечение и страхование, приоритет частного перед государственным) (per505); «экономическая ортодоксия» (уменьшение бюджетного дефицита, сокращение расходов, бережливость) (per414); «стимуляция: позитивная оценка» (мотивация бизнеса, налоговые льготы и субсидии, стимулирующая политика в отношении заработной платы и налогов, поощрения для начала предпринимательской деятельности) (per402); «протекционизм: негативная оценка» (поддержка свободной торговли и открытых рынков, отмена средств защиты рынка) (per407); «трудовые объединения: негативная оценка» (отрицательные указания на трудовые объединения и профсоюзы) (per702); «ограничения на образование» (урезание государственных расходов на образование, расширение платного обучения, числа частных школ) (per507). Затем подсчитывалась сумма оценок по категориям, указывающим на важную регулируемую роль государства в экономике: «контролируемая экономика» (поддержка прямого влияния правительства на экономику, контроль цен, минимальной оплаты труда) (per412); «национализация» (одобрение государственной собственности в промышленности, на землю, сохранение национализированных предприятий за государством, национализация частных предприятий) (per413); «расширение социального государства» (увеличение государственных расходов на здравоохранение, уход за детьми и пожилыми людьми, пенсии, социальное жилье) (per504); «регулирование рынка» (защита потребителей, малого бизнеса, социальная рыночная экономика, обеспечение экономической конкуренции) (per403); «протекционизм: позитивная оценка» (поддержание и расширение защиты внутренних рынков, введение тарифов, квот, экспортных субсидий) (per406); «трудовые объединения: позитивная оценка» (позитивные упоминания трудовых объединений, рабочего класса, безработных, поддержка профсоюзов, улучшение условий труда и заработной платы) (per701); «поддержка образования» (увеличение государственных расходов на образование, сокращение платного обучения, числа частных школ) (per506). Индекс экономических позиций партий равняется разности между первой и второй суммой контент-аналитических категорий, так что отрицательные значения говорят о склонности к левому крылу, а положительные – к правому крылу идеологического спектра.

Разделение партийных позиций в социо-культурном измерении также осуществлялось с помощью индекса, отражающего оценки предвыборных программ по двум наборам категорий, употреблявшихся при контент-анализе. Один из них позволяет получить оценки ориентации партии в правую сторону,

указывающую на выраженность консервативного национализма. Эти оценки представляют собой суммарную долю позитивных упоминаний в предвыборной программе партии категорий «национальный образ жизни» (одобрение нации, ее истории, принятых национальных идей, апелляции к гражданской гордости, патриотизму, национализму, ограничение свобод для защиты государства от подрывной деятельности) (имя переменной в базе данных – per601); «традиционная мораль» (одобрительные указания на традиционные, религиозные моральные ценности, запрещение, цензура, подавление безнравственности и неподобающего поведения) (per603); «закон и порядок» (необходимость обеспечения строгого правопорядка, жестких мер в борьбе с преступностью, усиление полиции, строгость в судах, важность внутренней безопасности) (per605); и негативных указаний на «мультикультурализм» (важность культурной однородности общества, осуществления и поощрения культурной интеграции) (per608); «Европейское сообщество, Европейский Союз» (отрицательные упоминания этих образований, неприятие решений Европейских властей, отчислений страны в бюджет ЕС) (per110); «интернационализм» (негативные отзывы о международном сотрудничестве, позитивные – о национальной независимости и суверенитете при проведении внешней политики страны, изоляционизме и односторонности в противовес интернационализму) (per109). Второй набор категорий использовался для оценивания склонности к либеральному космополитизму. Для этого складывались доли негативных категорий «национальный образ жизни» (неприязненные упоминания нации, истории страны, неприятие патриотизма, национализма, национальной гордости и национальной идеи) (per602); «традиционная мораль» (оппозиция традиционным, религиозным моральным ценностям, признание приемлемости разводов и абортов, современных семейных отношений, отделения церкви от государства) (per604) и позитивных указаний на «мультикультурализм» (благожелательность к культурному разнообразию и многообразию внутри страны, сохранение в ней автономии религиозного и языкового наследия) (per607); «Европейское сообщество, Европейский Союз» (одобрение этих образований, желательность вхождения страны в ЕС, важность его расширения, увеличение сферы компетенции Европейского Союза, Европейского парламента) (per108); «интернационализм» (необходимость международной кооперации, важность помощи развивающимся странам, всемирного регулирования ресурсов, глобального правления, международных судов, поддержки ООН, международных организаций) (per107); «ограниченные в правах меньшинства» (общие указания на ограничения прав меньшинств, таких как иммигранты, представители коренных народов, гомосексуалисты) (per 705). Обобщающий индекс идеологической позиции партии между полюсами либерального космополитизма (отрицательные значения) и консервативного национализма (положительные значения) рассчитывался как разность двух описанных суммарных оценок.

Полученные индексы идеологического противопоставления служили для вычисления показателей поляризации партийной системы в экономическом и социо-культурном измерениях. Оно производилось – после взвешивания значений соответствующего индекса для всех партий долями голосов, полученных ими на выборах, – по формуле: поляризация партийной системы равняется сумме квадратичных отклонений взвешенных оценок каждой партии от среднего для этой системы значения (Sigelman and Yough 1978). Поскольку в теории двумерного политического пространства предполагается одновременное изменение в обоих идеологических измерениях – сокращение экономической поляризации, сопровождающееся усилением поляризации культурной, в наших моделях показатели одной и другой поляризации дополнялись переменной, представляющей их интеракцию. Каждые из парламентских выборов, в которых участвовали респонденты из отобранных

Таблица 1. Радикальные правые партии в анализируемых данных

СТРАНА	СОКРАЩЕНИЕ	НАЗВАНИЕ
АВСТРИЯ	FPÖ	Австрийская партия свободы
	BZÖ	Альянс за будущее Австрии
БЕЛЬГИЯ	VB	Фламандский (блок) интерес
	FN	Национальный фронт
БОЛГАРИЯ	АТАКА	Атака
	VMRO	Болгарское национальное движение
	NFSB	Национальный фронт спасения Болгарии
	БНС-НД	Болгарский национальный союз – Новая демократия
ВЕНГРИЯ	MIÉP–JOBBIK	Объединение: Венгерская партия справедливости и жизни, За лучшую Венгрию
	JOBBIK	За лучшую Венгрию
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	UKIP	Партия независимости Соединенного Королевства
	BNP	Британская национальная партия
ГЕРМАНИЯ	AfD	Альтернатива для Германии
	REP	Республиканцы
	NPD	Национал-демократическая партия Германии
ГРЕЦИЯ	ΛΑΟΣ	Народный православный сбор
	ΧΡΥΣΗ ΑΥΓΗ	Золотой рассвет
ДАНИЯ	DF	Датская народная партия
	FRP	Партия прогресса
ИТАЛИЯ	LN	Северная лига
	Fdi	Братья Италии
ЛИТВА	TT	Порядок и справедливость
	JAUNOJI LIETUVA	Молодая Литва
НИДЕРЛАНДЫ	LPF	Список Пима Фортёйна
	PVV	Партия свободы
НОРВЕГИЯ	FrP	Партия прогресса
ПОЛЬША	LPR	Лига польских семей
	SRP	Самооборона Республики Польши
	KNP	Конгресс Новых правых
ПОРТУГАЛИЯ	PNR	Партия национального обновления
РОССИЯ	ЛДПР	Либерально-демократическая партия России
	РОДИНА	Всероссийская политическая партия «Родина»
СЛОВАКИЯ	SNS	Словацкая национальная партия
СЛОВЕНИЯ	SNS	Словенская национальная партия
ФИНЛЯНДИЯ	PS	Истинные финны
ФРАНЦИЯ	FN	Национальный фронт
	MNR	Национальное республиканское движение
ХОРВАТИЯ	HSP	Хорватская партия прав
ЧЕХИЯ	USVIT	Рассвет прямой демократии Томио Окамуры
ШВЕЙЦАРИЯ	SVP	Швейцарская народная партия
	SD	Швейцарские демократы
	LEGA	Лига Тичино
ШВЕЦИЯ	SD	Шведские демократы
ЭСТОНИЯ	ISAMAA	Союз отечества и Res Publica
	EKRE	Консервативная народная партия Эстонии
	EIP	Эстонская партия независимости

раундов Европейского социального исследования, были охарактеризованы с помощью трех описанных индикаторов поляризации партийной системы в изучавшихся странах.

Предшествующие исследования, согласно нашему обзору в первой части статьи, указывают на важные факторы различий между странами – их необходимо контролировать при решении поставленных задач по выявлению роли культурного изменения и партийной поляризации. В нашей работе такой контроль осуществлялся благодаря включению в анализ трех дополнительных факторов. Один из них – доля мигрантов из других стран среди населения (International migrant stock as a percentage of the total population), другой описывает темпы изменения представительства в стране этих мигрантов (Annual rate of change of the migrant stock) (источник сведений о миграции – United Nations... 2017). Третий фактор позволяет учесть особенности электоральных институтов, связанные с созданием условий для многопартийности посредством системы пропорционального представительства, – это индекс неоднородности парламента, измеряющий вероятность того, что два случайно выбранных депутата принадлежат к различным партиям (World Bank, Database of Political Institutions, DPI, Fractionalization Index, <https://publications.iadb.org/handle/11319/8806?locale-attribute=en>). (Анализируются и многие другие показатели различий между странами, но они либо оказывали незначительное воздействие на интересующие нас зависимости, как например, индикаторы уровня безработицы, взятые из международной статистики или агрегированные по данным ESS, либо уступали другим контекстуальным факторам в таком воздействии, поскольку были с ними в тесной взаимосвязи, что характерно, например, для влияния душевого ВВП, коррелирующего с описанным индексом распространенности в обществе ценностей открытости (изменению)).

Страны, радикальные правые партии, индивиды

В исследовании рассматривались 56 выборов в нижние палаты парламентов, проводившихся в 24 странах, – те из представленных в ESS 2006-2014 и CMP/MARPOR, которые содержали сведения об участии радикальных правых партий в избирательном процессе. Список таких партий приводится в таблице 1.

Общее число респондентов – составляет более 120 тысяч человек, средний размер национальной выборочной совокупности для 56 электоральных ситуаций – около 2000 опрошенных.

Статистический анализ

Проверка предположений, вытекающих из наших теоретических представлений о причинах электорального успеха националистов и популистов, подразумевает анализ межуровневых интеракций между переменными индивидуального уровня и контекстуальными факторами. Воздействие факто-

ров культурного изменения и партийной поляризации на голосование за националистические партии индивидов, придерживающихся антииммигрантских взглядов и неудовлетворенных работой национальных парламентов, анализировалось с помощью статистических методов двухуровневого логистического моделирования (специализированный программный пакет HLM, Hierarchical Linear and Nonlinear Models, Raudenbush and Bryk 2002). Строились модели со случайными коэффициентами для переменных индивидуального уровня и их взаимодействиями с факторами контекстуальных различий между странами. Для упрощения интерпретации коэффициентов все независимые переменные и факторы преобразовывались в шкалы, изменяющиеся в диапазоне от 0 до 1. Индивидуальные данные ESS взвешивались переменной 'dweight', корректирующей ошибки выборки (см. Weighting European Social Survey Data, https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf).

Поддержка радикальных правых партий в Европе: роль иммиграции, электоральных институтов, культуры

Различия в голосовании за националистические и популистские партии в европейских странах, обусловленные социальной демографией участников ESS опросов и их отношением к иммиграции и национальным парламентам (при контроле принадлежности к категории приехавших из других стран), отражены в модели 1, представленной в таблице 2. Приведенные гамма-коэффициенты, все статистически значимые на высоком уровне (вследствие очень большого числа респондентов в опросах Европейского социального исследования), подтверждают надежно установленные факты, свидетельствующие о характерном социальном профиле избирателей этих партий.

Среди них с большей вероятностью можно встретить мужчин, чем женщин, с возрастом эта вероятность снижается – к поддержке правых радикалов в большей мере склонны молодые, чем пожилые люди. Чаще голосуют за них и в нижних общественных слоях – респонденты с невысоким уровнем образования (чем дольше человек посещал формальные образовательные учреждения, тем менее вероятно, что он проголосует за националистов и популистов). Влияние образования является самым отчетливым среди социально-демографических переменных (модель не приводится), однако оно резко сокращается (коэффициент уменьшается более чем в два раза, оставаясь, правда, статистически значимым) при включении в уравнение самого сильного дифференцирующего показателя, фиксирующего аттитуды к иммиграции и парламенту. Убежденность в негативных последствиях иммиграции для экономики, культуры, качества жизни в стране и связанное с этим недоверие к деятельности парламента создают намного более силь-

Таблица 2. Голосование за радикальные правые партии в странах Европы: влияние аттитудов в контексте контрольных и культурных различий

ПЕРЕМЕННЫЕ И ФАКТОРЫ	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	G	Sig.	G	Sig.	G	Sig.
УРОВЕНЬ 1 (Индивиды)						
Intercept	-3.42	.000	-3.42	.000	-3.43	.000
Родился в другой стране	-0.31	.008	-0.41	.001	-0.49	.000
Пол (М)	0.56	.000	0.55	.000	0.55	.000
Возраст (лет)	-1.55	.000	-1.49	.000	-1.51	.000
Образование (лет)	-0.93	.000	-0.92	.001	-0.93	.001
Одобрение: иммиграция, парламент	-3.37	.000	-3.41	.000	-3.48	.000
УРОВЕНЬ 2 (Парламентские выборы)						
Доля иммигрантов			1.34	.012	1.14	.122
Прирост иммигрантов			-0.55	.329	-0.58	.347
Фрагментация парламента			1.86	.012	1.84	.017
Культура: Сохранение/Открытость изменению					0.37	.514
ИНТЕРАКЦИИ между УРОВНЯМИ						
Одобрение x Доля иммигрантов			-2.95	.013	0.80	.464
Одобрение x Прирост иммигрантов			-4.27	.000	-2.17	.010
Одобрение x Фрагментация парламента			-0.03	.969	0.61	.383
Одобрение x Культура					-5.50	.000
ДИСПЕРСИИ						
	U	Sig.	U	% Exp.	U	% Exp.
G Одобрение: иммиграция, парламент	5.38	.000	4.05	25%	1.95	64%

Модели (Method of estimation: restricted PQL) с робастными стандартными ошибками.
% Exp. – доля объясненной дисперсии при сравнении с Моделью 1.
N1 (Индивиды)=122784, N2 (Парламентские выборы)=56.

ную мотивацию к голосованию за радикальных правых политиков, чем положение в демографической или социальной структуре. Статусные различия проявляются лишь в той мере, в какой не очень образованные люди придерживаются антииммигрантских убеждений и разделяют популистские призывы.

Все описанные зависимости между голосованием и социальной демографией заметно различались на парламентских выборах, проводившихся в разных частях Европы, – в одних странах они выражены с большей определенностью, чем в других. Об этом говорят результаты моделирования, содержащиеся в нижней части таблицы 1, – в ней приводится, только для интересующей нас переменной аттитудов к иммиграции и парламенту, значение дисперсии, указывающей на статистически значимые отличия коэффициентов в изучавшихся электоральных ситуациях.

В уравнение модели 2 включаются не только независимые переменные индивидуальных (демографических, социальных, аттитудных) характеристик, но и контрольный набор контекстуальных факторов, различающих страны по представительству среди населения иммигрантов, темпам роста этого сегмента и по степени партийной неоднородности депутатского корпуса (см. таблицу 2). Электоральные институты, способствующие многопартийности парламента, создают благоприятные условия для поддержки на выборах радикальных правых партий, хотя такая зависимость, как показывают и другие исследования (см. обзор в первой части статьи), является не очень отчетливой. Подтверждаются и выявленные во многих работах факты влияния на эту поддержку фактора миграции. С увеличением среди населения страны доли иммигрантов наблюдается некоторое нарастание числа голосов, отданных на выборах за правых радикалов, – как показывают межуровневые интеракции между переменной аттитудов и фактором «доля иммигрантов», это в основном голоса тех, кто с неодобрением относится к иммиграции и не доверяет парламенту. Но и эти зависимости оказались, несмотря на статистическую значимость, довольно слабыми. С большей уверенностью можно го-

ворить о связи голосования с темпами роста численности иммигрантов – чем они были выше, тем отчетливее проявлялось мотивирующее воздействие антииммигрантских и антипарламентских взглядов (отрицательный, высоко значимый коэффициент для межуровневой интеракции «Одобрение (иммиграции, парламента) x Прирост иммигрантов»).

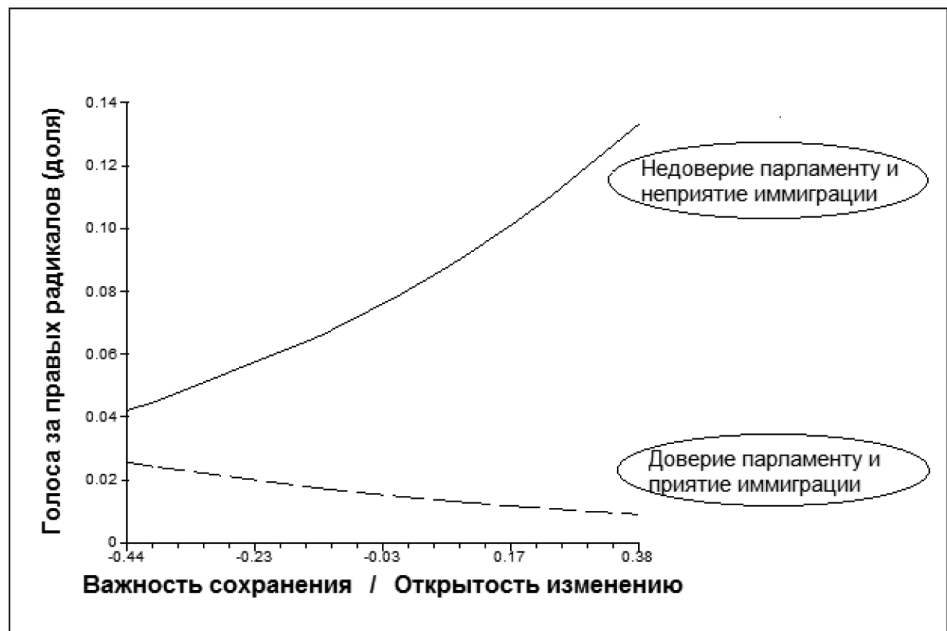
Индекс культурных различий, свидетельствующий о распространности в обществе ценностей открытости изменениям, добавляется к списку рассмотренных независимых переменных и факторов в модели 3. Его воздействие на голоса, отданные за крайних правых, проявляется не напрямую, отделяя страны с низкими и высокими значениями этого показателя, но опосредованно – через переменную аттитудов к иммиграции-парламенту. Учет культурных особенностей позволяет объяснить 64% дисперсии, характеризующей неодинаковое влияние этих аттитудов на голосование, тогда как в предыдущей модели – только с контрольными факторами – этот показатель равнялся лишь 25%. Коэффициент для соответствующей межуровневой интеракции (-5.50, $p < 0.000$) говорит о том, что по мере усиления в обществе ценностного акцента на открытость изменениям по отношению к ориентациям на сохранение происходит актуализация мотивационных стимулов голосования за правых радикалов, связанных с негативными установками к иммиграции и парламенту. В этой модели практически неизменным остается описанное выше влияние партийной фрагментации парламента, однако проявление эффектов, связанных с масштабами и темпами миграционных процессов, становится значительно менее отчетливым, поскольку эти процессы затрагивали в первую очередь наиболее экономически развитые европейские страны с сильным социальным государством, и именно в этих странах культурные изменения были выражены с наибольшей определенностью.

Выявленные зависимости между голосованием за правых радикалов, аттитудами и культурой проиллюстрированы на рисунке 1, для построения которого использовалось уравнение третьей модели.

Недоверие парламенту и неприятие иммиграции, как видно на рисунке, выступают важными отличительными признаками избирателей, которые голосуют в Европе за радикальные правые партии. В то же время, мотивирующее воздействие этих взглядов сильно отличается в разных странах и зависит от культурных особенностей. В обществах, где многие люди ориентируются на ценности сохранения, это воздействие проявляется очень слабо, но по мере распространения в культуре ориентаций на открытость изменениям оно становится все более отчетливым. Причем важную роль в такой мотивации играет именно культура, а не различия в экономическом развитии стран, с которыми она довольно тесно связана (большая открытость изменениям характерна для самых развитых европейских стран с постиндустриальной экономикой). Так, при включении в уравнение душевого ВВП вместо фактора культурного изменения представленная на рисунке зависимость становится менее выразительной, а при учете обоих этих факторов значимую роль будут играть только культурные различия (модели не приводятся).

Описанная зависимость может служить еще одним аргументом в пользу теоретического представления о разветвляющейся в Европе «бесшумной контрреволюции». Космополи-

Рис. 1. Поддержка на парламентских выборах в странах Европы радикальных правых партий: значение аттитудов избирателей и культурного контекста

Фактор культурных различий представлен децимилами, а отношение к иммиграции и парламенту – средними значениями для нижнего и верхнего квартилей.

тическая либерализация культуры, сопряженная с постиндустриальной модернизацией и глобализацией, вызвала ответную реакцию в обществе, порождая политическое недоверие и актуализируя консервативно-националистические ценностные ориентиры. Поддержка радикальных правых партий людьми, разделяющими эти взгляды и ориентиры, проявлялась особенно отчетливо в тех странах, где ценности открытости изменениям заняли в культуре важное место.

Партийные системы и голоса за крайних правых

Согласно теоретическим представлениям о роли двумерного пространства партийной конкуренции в электоральном успехе правых радикалов, благоприятные для этого условия складываются при сближении идеологических позиций системных партий в традиционном социально-экономическом измерении и усилении поляризации партийной системы в социо-культурном измерении.

С целью первоначальной проверки этих представлений нами был сконструирован контекстуальный фактор, значения которого соответствовали различным сочетаниям показателей экономической и культурной поляризации партийных систем, описанных в методологическом разделе. Представив каждый из этих показателей в трех категориях, соответствующих отношению низкому, среднему и высокому уровням расхождения идеологических позиций, нами были выделены шесть типов партийных систем, обозначенных на рисунке 2 буквами А, В, С, D, E, F (их описание приводится в комментарии к рисунку).

Результаты двухуровневого моделирования, уравнение которого включало весь набор переменных индивидуального уровня и три контрольных контекстуальных фактора, показывают, что доли голосов за правых радикалов действительно зависят, как это видно на рисунке, от конфигурации партийного «предложения» на парламентских выборах. Меньше всего голосов им удается получить, в согласии с теорией, в том случае, когда отчетливо проявляется экономическая поляризация, а культурная остается относительно невысокой (типы А и В), а больше всего – при выраженном расхождении между позициями партий в культурном измерении и относительно слабом размежевании в экономических вопросах (Е и F). За крайних правых мало голосуют также при низких значениях обоих факторов поляризации (тип С), и заметно больше, когда оба они отчетливо выражены (D). Складывается впечатление, что

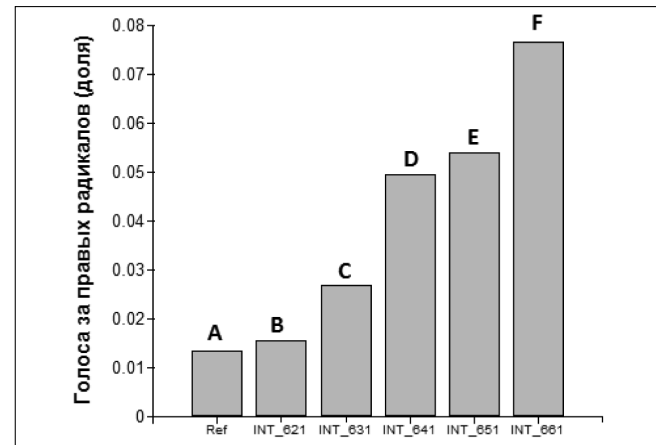
нарастание доли полученных голосов при переходе от партийной системы разновидности А к варианту F обусловлено главным образом усилением расхождения между партиями по оси культурных позиций.

Особенности партийной поляризации, согласно нашим предположениям, могут влиять на голосование за крайних правых, усиливая на индивидуальном уровне мотивацию противников иммиграции, с недоверием относящихся к деятельности парламентов своих стран. Исследование таких закономерностей проводилось с помощью моделей, в которых вместо типологического фактора в уравнение вводились сами показатели экономической и культурной поляризации, а также их интеракция, и рассматривались межуровневые влияния этих показателей на переменную аттитудов к иммиграции-парламенту (при сохранении контроля на индивидуальном и контекстуальном уровнях). Описание этих моделей можно найти в таблице 3.

Межуровневые интеракции между переменной аттитудов и факторами, описывающими партийную конкуренцию, позволяет охарактеризовать модель 4, включающая кроме всех этих переменных социальную демографию и контрольные характеристики контекста. Согласно коэффициентам для «фиксированных эффектов», партийная фрагментация парламента, как показывают и предшествующие модели, создает предпосылки для голосования за крайних правых, а увеличение иммигрантского сообщества и быстрота его расширения способствуют мобилизации их поддержки среди респондентов, которые видят в этом сообществе угрозу национальным интересам и с недоверием относятся к работе парламента. Большому успеху радикалов в одних странах по сравнению с другими содействует в некоторой мере сближение партийных позиций по экономическим вопросам (меньшая поляризация), но особенно отчетливое подкрепление этого успеха происходит при повышении культурной поляризации (гаммы для основных эффектов этих факторов соответственно равняются -1.79, $p < 0.045$, и 2.52, $p < 0.000$). Размежевание в культурном измерении влияет на голосование и через аттитуды (гамма для интеракции -3.43, $p < 0.000$), усиливая мотивирующую силу недовольства иммиграцией и действиями законодателей. Интеракция показателей экономической и культурной поляризации, в согласии с нашим предположением, оказывает статистически значимое воздействие на голоса, отданные правым радикалам, через стимуляцию этого недовольства (9.27, $p < 0.025$). Коэффициент в этом случае свидетельствует, что люди, не одобряющие иммиграцию-парламент, особенно склонны бросать свои бюллетени за эти партии при слабой поляризации системы в экономическом аспекте и сильной – в культурном. Отметим, наконец, что особенности партийной конкуренции играют менее важную роль в такой стимуляции по сравнению с фактором культурного изменения (доля объясненной дисперсии составляет 35%, тогда как в модели с этим фактором – 64%).

В модели 5 рассматриваются сов-

Рис. 2. Типы поляризации партийных систем на парламентских выборах и голосование за радикальные правые партии

А – Высокая экономическая и низкая культурная поляризация; В – Средняя экономическая и низкая культурная или высокая экономическая и средняя культурная; С – Низкая экономическая и низкая культурная; D – Высокая экономическая и высокая культурная; E – Средняя экономическая и высокая культурная поляризация, или низкая экономическая и средняя культурная; F – Низкая экономическая и высокая культурная. По уравнению двухуровневой модели при контроле социальной демографии и отношения респондентов к парламенту и иммиграции, неодинакового влияния этих переменных в разных странах, а также доли иммигрантов стране, темпов ее изменения и фрагментации парламента. N1 (Индивиды) = 122784, N2 (Парламентские выборы) = 56.

Таблица 3. Голосование за радикальные правые партии в странах Европы: влияние аттитудов в контексте экономической и культурной поляризации партийных систем

ПЕРЕМЕННЫЕ И ФАКТОРЫ	Модель 4		Модель 5	
	G	Sig.	G	Sig.
УРОВЕНЬ 1 (Индивиды)				
Intercept	-3.41	.000	-3.41	.000
Родился в другой стране	-0.46	.000	-0.48	.000
Пол (М)	0.56	.000	0.56	.000
Возраст (лет)	-1.48	.000	-1.49	.000
Образование (лет)	-0.96	.000	-0.94	.001
Одобрение: иммиграция, парламент	-3.69	.000	-3.67	.000
УРОВЕНЬ 2 (Парламентские выборы)				
Доля иммигрантов	1.46	.011	2.08	.014
Прирост иммигрантов	-0.25	.716	0.01	.983
Фрагментация парламента	1.75	.008	1.75	.010
Культура: Сохранение/Открытость изменению			-0.84	.185
Экономическая поляризация партий	-1.79	.045	-1.74	.039
Культурная поляризация партий	2.52	.000	2.85	.000
Интеракция поляризаций	-0.36	.846	-0.72	.707
ИНТЕРАКЦИИ между УРОВНЯМИ				
Одобрение x Доля иммигрантов	-4.33	.000	-0.26	.771
Одобрение x Прирост иммигрантов	-3.54	.003	-2.19	.018
Одобрение x Фрагментация парламента	0.46	.603	0.70	.284
Одобрение x Культура			-5.46	.000
Одобрение x Экономическая поляризация	-0.39	.844	-0.27	.845
Одобрение x Культурная поляризация	-3.43	.000	-0.68	.408
Одобрение x Интеракция поляризаций	9.27	.025	6.80	.019
ДИСПЕРСИИ				
G Одобрение: иммиграция, парламент	U	% Exp.	U	% Exp.
	3.51	35%	1.90	65%

Модели (method of estimation: restricted PQL) с робастными стандартными ошибками. % Exp. - доля объясненной дисперсии при сравнении с Моделью 1. N1 (Индивиды)=122784, N2 (Парламентские выборы)=56.

местно как эффекты, связанные с ценностным изменением культуры в сторону открытости изменениям, так и с партийными поляризациями. При этом сохраняются основные зависимости, описанные при анализе этих факторов по отдельности. Поддержка на парламентских выборах крайних правых несколько увеличивается в электоральных системах с пропорциональным представительством и низкими порогами, которые способствуют партийной неоднородности парламента, и при нарастании численности иммигрантов в стране. Она растет и благодаря стимуляции людей, недовольных иммиграционной ситуацией и действиями парламента, в странах с высокими темпами прироста приезжих, а главное – с более открытой изменением культурой. Определенную роль играет и партийное противостояние, усиливая эту стимуляцию в случае сочетания низкой экономической поляризации партийной системы во время выборов с высокой поляризацией в культурном измерении.

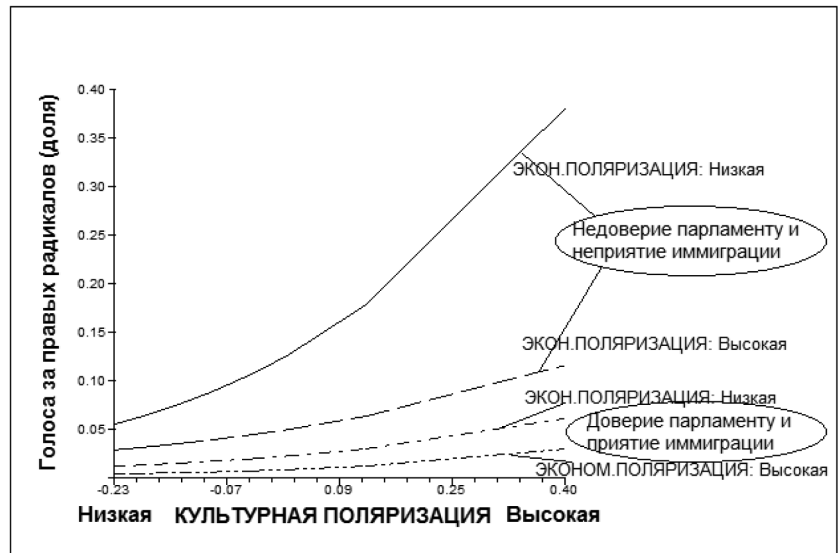
Поскольку коэффициенты, подтверждающие последнее утверждение, не просто интерпретировать (межуровневая интеракция, включающая переменную индивидуального уровня и интеракцию факторов контекстуального уровня), на рисунке 3 соответствующие зависимости (рассчитанные по уравнению модели 5) представлены в наглядном виде.

Фактор культурных различий представлен децилями, а экономическая поляризация и отношение к иммиграции-парламенту – средними значениями для нижнего и верхнего квартилей

К голосованию за правых радикалов, как видно на рисунке, мотивирует людей негативное отношение к парламенту и иммиграции. Независимо от состояния партийной конкуренции те, кто с одобрением высказывались о воздействии иммиграции на общество и о парламенте, были совершенно не склонны поддерживать крайних правых политиков. Респонденты, выражавшие недоверие парламенту и с неприязнью говорившие об иммиграции, составляют потенциальных избирателей этих политиков. Реализация электорального потенциала на выборах зависит от партийного контекста, усиливаясь при нарастании культурного размежевания, особенно в тех странах, где поляризация по экономическим вопросам на тех же выборах была очень низкой.

Выраженность зависимостей, представленных на рисунке, не следует преувеличивать. Они демонстрируют различия в голосовании, характерные для респондентов и стран с крайними позициями по анализируемым показателям. Хотя влияние партийного контекста было статистически значимым, добавление двух факторов поляризации и интеракции между ними в модели 5 не приводило к улучшению статистического объяснения того, почему влияние аттитудов на голоса оказывалось неодинаковым в избирательных ситуациях, – по сравнению с моделью, включавшей только фактор открытости изменениям (объясненные дисперсии 65% и 64% соответственно). Неотчетливость результатов, связанных с состоянием партийной системы, может быть обусловлена тем, что в ряде стран, где радикальные правые партии получают значительное число голосов, отчетливая партийная поляризация в культурном измерении совмещается с не менее отчетливой экономической поляризацией. Возможно, это связано со стратегическим решением социал-демократических партий, теряющих рабочих избирателей, заново поляризовать – в ответ на повышение правыми радикалами значимости иммигрантской темы – ось экономического противостояния, существенно сместившись на ней влево. Так, например, в Швейцарии партийная система была сильно поляризована в культурном отношении – вследствие радикальной правой позиции Швейцар-

Рис. 3. Голоса за крайних правых в странах Европы: роль индивидуальных воззрений и поляризации партийных позиций

Фактор культурных различий представлен децилями, а экономическая поляризация и отношение к иммиграции-парламенту – средними значениями для нижнего и верхнего квартилей

ской народной партии, которая завоевывает в последние годы наибольшую долю голосов избирателей среди всех партий. Но она оказалась и сильно поляризованной по традиционным вопросам экономической политики и государственных социальных гарантий, что было вызвано заметным смещением влево Социал-демократической партии Швейцарии.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что избиратели радикальных правых партий отличаются, прежде всего, своим негативным отношением к иммиграции – она, по их мнению, плохо сказывается на экономике, культуре и условиях жизни в стране, а также политической неудовлетворенностью, проявляющейся в недоверии к национальному парламенту. Причем такие зависимости заметно варьировали в разных странах Европы. Одно из лучших объяснений этих вариаций удастся получить при включении в уравнение модели социального фактора, свидетельствующего о либерализации культуры. Распространение в обществе ценностей «открытости изменениям» и меньшая значимость ориентаций на «сохранение» способствуют усилению влияния на голосование за правых радикалов аттитудов к иммиграции и парламенту. В странах с отчетливо выраженными чертами постиндустриальной либеральной культуры противники иммиграции и люди, недовольные парламентом, особенно склонны к поддержке правых радикальных политиков. Этот факт служит дополнительным подкреплением теории «бесшумной контрреволюции» – консервативной реакции части общества на либеральные изменения в культуре, вызванные постиндустриальной модернизацией, посткоммунистическими трансформациями и глобализацией.

В подтверждение теории двумерного политического пространства нам удалось обнаружить, что интеракция между контекстуальными факторами экономической поляризации партийной системы и поляризации культурной оказывает заметное влияние на то, как индивидуальные аттитуды мотивируют голосование за правых националистов. При сближении партийных позиций в экономическом измерении и одновременном нарастании культурной поляризации складываются наиболее благоприятные условия для поддержки радикальных националистических партий со стороны респондентов, разделяющих их идеологию – не приемлющих иммиграцию и выражающих недоверие парламенту. В то же время, это заключение, несмотря на статистически

значимые зависимости, заслуживает дополнительного обоснования на более представительных – на втором уровне – выборках. Тем не менее, можно с полной уверенностью утверждать, что поляризация партийной системы в культурном измерении, как и тесно связанная с нею значимость этого идеологического измерения, выступает одним из наиболее сильных контекстуальных факторов, объясняющих различия в поддержке радикальных правых партий в разных европейских странах, а также неодинаковую выраженность мотивирующего влияния на эту поддержку аттитюдов к иммиграции и парламенту.

Литература

Сафронов В.В. (2018). Голосование за радикальные правые партии в Европе: роль культурного изменения и партийной поляризации (Часть 1) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 6. С. 15-22.

Arzheimer, Kai (2018). Explaining Electoral Support for the Radical Right // *The Oxford Handbook of the Radical Right* / Ed. by Jens Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 143-165.

Bornschiefer, Simon (2018). Globalization, Cleavages, and the Radical Right // *The Oxford Handbook of the Radical Right* / Ed. by Jens Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 212-238.

ESS Round 3: European Social Survey Round 3 Data (2006). Data file edition 3.6. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 4: European Social Survey Round 4 Data (2008). Data file edition 4.4. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 5: European Social Survey Round 5 Data (2010). Data file edition 3.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 6: European Social Survey Round 6 Data (2012). Data file edition 2.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

ESS Round 7: European Social Survey Round 7 Data (2014). Data file edition 2.1. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.

Golder, Matt (2016). Far Right Parties in Europe // *Annual Review of Political Science*. 19: 477-497.

Ignazi, Piero (1992). The Silent Counter-Revolution. Hypotheses on the Emergence of Extreme Right-Wing Parties in Europe // *European Journal of Political Research*. 22(1): 3-34.

Inglehart, Ronald (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. – 495 p.

Inglehart, Ronald, and Pippa Norris (2016). *Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash* // HKS Working Paper No. RWP16-026. URL: <https://ssrn.com/abstract=2818659>

Kitschelt, Herbert (2018). *Party Systems and Radical Right-Wing Parties* // *The Oxford Handbook of the Radical Right* / Ed. by Jens Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 166-199.

Kitschelt, Herbert, in collaboration with Anthony J. McGann (1995). *The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. – 332 p.

Minkenberg, Michael (2017). *The Radical Right in Eastern Europe: Democracy under Siege?* New York: Palgrave Macmillan. – 194 p.

Mudde, Cas (2007). *Populist radical right parties in Europe*. New York: Cambridge University Press. – 404 p.

Mudde, Cas (2016). *The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave* // C-REX Working Paper Series, no. 1. Oslo: Center for Research on Extremism, The Extreme Right, Hate Crime and Political Violence, University of Oslo.

Norris, Pippa, and Ronald Inglehart (2018). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press. – 300 p.

Raudenbush, Stephen W., Anthony S. Bryk (2002). *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage. – 512 p.

Rydgren, Jens (2018). *The Radical Right: An Introduction* // *The Oxford Handbook of the Radical Right* / Ed. by Jens Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 1-14.

Spies, Dennis (2013). Explaining working-class support for extreme right parties: A party competition approach // *Acta Politica*. 48(3): 296-325.

Spies, Dennis, & Simon T. Franzmann (2011). A Two-Dimensional Approach to the Political Opportunity Structure of Extreme Right Parties in Western Europe // *West European Politics*. 34(5): 1044-1069.

Schwartz, Shalom (2001). *European Social Survey Core Questionnaire Development: A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations*. London: European Social Survey, City University London: 259-319.

Schwartz, Shalom H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // *Online Readings in Psychology and Culture*, 2(1). DOI: 10.9707/2307-0919.1116

Sigelman, Lee, and Syng Nam Yough (1978). Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis // *Comparative Political Studies*. 11(3): 335-379.

The Oxford Handbook of the Radical Right (2018). / Ed. by Jens Rydgren. New York: Oxford University Press. – 760 p.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs. *Population Division (2017). Trends in International Migrant Stock: The 2017 revision* (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017)

Volkens, Andrea, Pola Lehmann, Matthias Theres, Nicolas Merz, Sven Regel (2016a). *The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG / CMP / MARPOR)*. Version 2016b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/>

Volkens, Andrea, Pola Lehmann, Matthias Theres, Nicolas Merz, Sven Regel, Annika Werner (2016b). *The Manifesto Project Dataset – Codebook. Manifesto Project (MRG / CMP / MARPOR)*. Version 2016b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). URL: <https://manifesto-project.wzb.eu/>

Voting for radical right parties in Europe: the role of cultural change and party polarization (Part II)

Viacheslav V. Safronov

Senior Fellow, Sociological Institute
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences.

Address: 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg,
Russia, 190005. Email: vsafonov@list.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of rapid growth in recent decades of electoral support for radical right-wing parties in Western, Central and Eastern Europe. It presents the results of empirical testing of the theory of silent counter-revolution and two-dimensional party polarization. Data from the European Social Survey (ESS 2006-14) and content analysis of electoral party manifestos (CMP/MARPOR), and statistics on migrants, electoral institutions and liberal culture for 56 parliamentary elections in 24 European countries were analyzed using

two-level logistics modeling. The results show that anti-immigration attitudes and distrust of parliament are the most important distinguishing features of supporters of nationalists and populists. In accordance with the silent counter-revolution theory, the voting mobilization of nationalist supporters in parliamentary elections, according to the facts revealed, depends on the spread of liberal culture in society. The analysis also revealed that the conditions for their mobilization are favorable when party positions in the economic dimension converge and cultural polarization increase at the same time, although this conclusion needs further verification.

Keywords: radical right parties, parliamentary elections, attitudes to immigration and parliament, cultural change, party polarization, two-level modeling, European countries.

References

- Safronov V.V. (2018). Voting for radical right parties in Europe: the role of cultural change and party polarization (Part 1). *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*. No. 6. P. 15-22. (In Russ.)
- Arzheimer K. (2018). Explaining Electoral Support for the Radical Right. *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 143-165. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.8
- Bornschieer S. (2018). Globalization, Cleavages, and the Radical Right. *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 212-238. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.11
- ESS Round 3: European Social Survey Round 3 Data (2006). Data file edition 3.6. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.
- ESS Round 4: European Social Survey Round 4 Data (2008). Data file edition 4.4. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.
- ESS Round 5: European Social Survey Round 5 Data (2010). Data file edition 3.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.
- ESS Round 6: European Social Survey Round 6 Data (2012). Data file edition 2.3. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.
- ESS Round 7: European Social Survey Round 7 Data (2014). Data file edition 2.1. NSD – Norwegian Centre for Research Data, Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC.
- Golder M. Far Right Parties in Europe. *Annual Review of Political Science*. 2016. Vol. 19. P. 477-497. DOI: 10.1146/annurev-polisci-042814-012441
- Ignazi P. (1992). The Silent Counter-Revolution. Hypotheses on the Emergence of Extreme Right-Wing Parties in Europe. *European Journal of Political Research*. Vol. 22. Iss. 1. P. 3-34. DOI: 10.1111/j.1475-6765.1992.tb00303.x
- Inglehart R. (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 495 p. DOI: 10.1007/978-3-531-90400-9_52
- Inglehart R., Norris P. (2016). *Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash*. Working Paper Series 16-026, Harvard University, John F. Kennedy School of Government.
- Kitschelt H. (2018). Party Systems and Radical Right-Wing Parties. *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 166-199. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.9
- Kitschelt H., McGann A.J. (1995). *The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. 332 p. DOI: 10.3998/mpub.14501
- Minkenberg M. (2017). *The Radical Right in Eastern Europe: Democracy under Siege?* New York: Palgrave Macmillan. 194 p. DOI: 10.1057/978-1-137-56332-3
- Mudde C. (2007). *Populist radical right parties in Europe*. New York: Cambridge University Press. 404 p. DOI: 10.1017/CBO9780511492037
- Mudde C. (2016). *The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave // C-REX Working Paper Series*. No. 1. Oslo: Center for Research on Extremism, The Extreme Right, Hate Crime and Political Violence, University of Oslo.
- Norris P., Inglehart R. (2018). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge University Press. 300 p. DOI: 10.1017/9781108595841
- Raudenbush S.W., Bryk A.S. (2002). *Hierarchical Linear Models: Applications and Data Analysis Methods*. Thousand Oaks, CA: Sage. 512 p.
- Rydgren J. (2018). *The Radical Right: An Introduction*. *The Oxford Handbook of the Radical Right*. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press. P. 1-14. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.013.1
- Spies D. (2013). Explaining working-class support for extreme right parties: A party competition approach. *Acta Politica*. 48(3): 296-325. DOI: 10.1057/ap.2012.37
- Spies D., Franzmann S.T. (2011). A Two-Dimensional Approach to the Political Opportunity Structure of Extreme Right Parties in Western Europe. *West European Politics*. Vol. 34. Iss. 5. P. 1044-1069. DOI: 10.1080/01402382.2011.591096
- Schwartz S. (2001). A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. *European Social Survey Core Questionnaire Development*. London: European Social Survey, City University London. P. 259-319.
- Schwartz S.H. (2012). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2(1). DOI: 10.9707/2307-0919.1116
- Sigelman L., Yough S.N. (1978). Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis. *Comparative Political Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 335-379. DOI: 10.1177/001041407801100304
- The Oxford Handbook of the Radical Right* (2018). Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press. 760 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190274559.001.0001
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017). *Trends in International Migrant Stock: The 2017 Revision*. (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2017).
- Volkens, Andrea, Pola Lehmann, Matthias Theres, Nicolas Merz, Sven Regel (2016a). *The Manifesto Data Collection*. Manifesto Project (MRG / CMP / MARPOR). Version 2016b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). DOI: 10.25522/manifesto.mps.2016b
- Volkens, Andrea, Pola Lehmann, Matthias Theres, Nicolas Merz, Sven Regel, Annika Werner (2016b). *The Manifesto Project Dataset – Codebook*. Manifesto Project (MRG / CMP / MARPOR). Version 2016b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB).

Издание номера журнала осуществлено при финансовой поддержке компании
«Решение: консалтинг и исследования рынка» (ЗАО «Решение»)

Редакция журнала выражает искреннюю благодарность за помощь в
 издании журнала руководителям компании

Александру Батушанскому и Владимиру Сократилину